

ПРЕДИСЛОВИЕ

к Татьяне Стояновой

«Предисловие к Татьяне Стояновой», пишу я. Как будто Татьяна Стоянова — это не человек, а сама книга.

Это неслучайно. Татьяна Стоянова делает себя символом. Так почему к символу не может быть предисловия, пояснения?

это деревья прорастают
сквозь мои суставы
вечно живые гвозди
тело прибитое к земле
плод древесный
сеющий семя

Татьяна Стоянова — это дерево. Нет. Символ дерева. Мы прорастаем через стихи, чтоб делать что-то странное (чтоб быть чем-то странным).

А мне, знаешь, стало некуда торопиться.
Мой ребенок умер — вот в этой большой
больнице.
Я его не помню совсем, в прошлой жизни было.
Но когда прохожу здесь, как будто
в подбрюшье — шило.

Моя любимая история про то, как много
тысяч лет назад в одну пещеру в Аргентине
приходили люди. Дети, подростки. И остав-
ляли там свои ладони на своде пещеры.
Оранжевые, зеленые, красные, золотые.

Так поступают и поэты. Так поступает
и Стоянова. Мы ищем пещеру, где можем
оставить следы рук на стене. Стоянова ищет
эту пещеру. Мы все — находим.

Контур ладоней, контур дома, контур быв-
шей любви.

сегодня впервые в жизни
мне приснилось возвращение
в дом моего детства
я приезжаю к бабушке и дедушке
чтоб познакомить их
со своим будущим мужем
утро поздняя осень
мы просыпаемся
бабушка хлопочет на кухне
раскатывает тесто
разминает творог
готовит кывырму

Когда ты вдруг понимаешь, как устроено
чудесное, чудо, тебе становится свободно
и уютно, как будто тебя позвала Черная Ку-
рица Погорельского, как будто ты Орфей,

спустившийся в ад (нет-нет, руки Эвридики в своей ты не почувствуешь: у тени нет ладоней). Но ты должен пройти этот путь и протянуть эту руку.

Что там, деточка? Пустота? Мы тебя поздравляем. Ты пишешь теперь настоящие стихи.

От них остаются колготки, носочки —
Уходят босыми сыночки и дочки.
Уходят во взрослую жизнь напрямки.
От них остаются манеж, ходунки,
Коляски, качели, полозья от санок.
Не вылечить больше зеленой их ранок.

Предисловие (должное) к Татьяне Стояновой не написать. Она идет свой путь и не предполагает, а знает, что путь этот долог. Она просто иногда предлагает нам следом немного пройти — и понять, что наш путь начинается за поворотом.

Дмитрий Воденников

*Всем, кто меня любил и был рядом.
Вы – моя карта мира, в которой нет границ.*

КОНТУР ТЕЛА

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

тетраптих

ЗЕМЛЯ

тело мое красная земля
белая глина и чернозем
хранит в себе ископаемые
черепки и кости
родниковую воду
и трещины в коре
корешки и вершки
ямы и котлованы
следы прикосновений
ласки силы соли ила
стук лопат о камень
заморозки засуху потоп
можешь
сминать и минировать
распахивать и бить ломом
орошать и иссушать
растирать в порошок
все равно я останусь живой
все равно дам всходы
все равно воскресну
с каждой новой весной

23 января 2020

ЛЕС

это деревья прорастают
сквозь мои суставы
вечно живые гвозди
тело прибитое к земле
плод древесный
сеющий семя
обретенное право
на раз(л/мн)ожение
почки напитаются водой
почва напьется крови
солнце наполнит жилы
лес зашелестит в мае
как мои волосы
на ветру
как мои слова
в завязи цветка

28 декабря 2019

ЯСЕНЬ

со мной шептался
чуть качаясь
ясень
я разгадала веточий язык
он рассказал
как сверху мир прекрасен
он показал
как снизу бог велик
я научилась
щебетать по-птичьи
я зашуршала
в лиственной тиши
я замирала
слыша
как лесничий
из палых веток
строит шалаши
мы так срослись с тем ясенем
что стали
одним стволом
узлом древесных жил
и в нашей чаще
вспомню я едва ли
кто на каком наречье
говорил

7 июля 2020

ручьи

разруби дерево
оно золотом хлынет из жил
и ручьями зальет все поляны

золотом залей
лес
темных тех аллей
без
дыма и теней
цвет
чище и ясней
лет
больше не считай
тень
перелетных стай
вдень
в ушко от иглы
нить
завяжи в узлы
плыть
тише чем плотва
течь
как ручьи-слова
в речь

13 декабря 2019

Безрыбье

Эта рыба ко мне забралась в живот.
В сети.
Тук-тук. В доме том кто живет?
Дети.
Эта рыба скользит по моей груди.
Льдиной.
Тик-так. Время кради, роди —
Сына.
Эта рыба плеснет по волне хвостом —
В горле.
Бим-бом. Люди с земли мой дом —
Стерли.

6 июня 2019, во сне

СтеклЯнный шар

Это был тринадцатый раз,
когда я думала, что забеременею.
Я сидела перед фонтаном в Саду Эрмитаж
и не могла заставить себя вернуться домой.
Двенадцать предыдущих месяцев
вычеркивала дни своего поражения
красными крестами в календаре.
Иногда так хотелось умереть
от кровопотери
на этом незримом поле боя,
что всерьез стала опасаться
за свой рассудок.

Это был год бесплодия и безрыбья.
Черный год с алыми пробоинами
в теле времени.

До тебя не хотела ничего и ни с кем навсегда.
Была предусмотрительна и осторожна,
ни к кому не привязывалась и не влюблялась.
Если близость, то легкая, как шарик на нитке.
Щелк ножницами — и ты на воле.

На первом свидании в кафе
ты накрыл мою руку своей,
сказав как бы между прочим:
«А знаешь, у нас с тобой будут
красивые дети».

Я почему-то не стала спорить и не возмутилась,
хотя в голове уже успела включиться
тревожная сирена.
Погудела-погудела с минуту
и сама в себе захлебнулась.
Словно раздвоившись, смотрела со стороны на то,
как говорю тебе в ответ:
«Даже не сомневаюсь в этом».

Руку не высвободила.
Твоя ладонь была тяжелой и жесткой,
изрезанной не линиями жизни, нет, —
шрамами от сотни микроскопических плетей.

Наш диалог был похож
на обмен сигналами при тайном сговоре:
я знаю, что ты знаешь, чего я хочу,
и я знаю, что тебе это тоже нужно.
Мы оба поняли, что пропали.
Да и никакого «пана», похоже, не предвиделось.

Потом ты с порывистой нежностью
целовал линии моей жизни,
напоминая цыпленка, клюющего с ладони
хлебные крошки.
Если бы можно было уберечь
эту ласку неприкосновенной,
если бы можно было
закапсулировать счастье...

В тот вечер одна простая
и вместе с тем сложная мысль
с жуткой ясностью поразила меня:
ты — первый и единственный мужчина,
в котором я хочу продолжаться,
которого хочу сохранить в вечности.

Помнишь, как ты спросил,
не страшно ли мне,
когда все случилось в первый раз?
Я не боялась,
хотя приложение в телефоне
еще с утра оповестило о том,
что стоило бы.
Три недели берегла себя,
как хрупкий стеклянный шар,
подвешенный на тонкой ветке.
Казалось, что внутри затеплился
крохотный огонек
и любое неверное движение
его может погасить.
А когда шар соскользнул и разбился,
сорвалась вместе с ним
и я.

Помню только выступ на крыше
петербургского дома.
Я перегибаюсь за перила.
Смотрю на проходящих по улице Рубинштейна
редких ночных скитальцев.
Разжимаю пальцы,
и полный до краев бокал
с красным вином летит на асфальт.
Потом ранним утром,
выбредая на рассвете из дымных потемок,
собираю осколки в распахнутую сумочку,
как в совок.

Всё липнет.
Всё в бурых подтеках и порезах.
Всё предательски ломко.

Ты тогда ничего не знал.

О том, как я ходила по врачам после неудачного четвертого раза, пятого, шестого, прося на это две зарплаты.

Как, убедившись, что со мной все в порядке, намеренно разрушала себя алкоголем и сигаретами после седьмого, проверяя в действии метод «от противного».

Как, отослав тебя на кухню за водой сразу после, молниеносно меняла положение, подняв ноги к изголовью кровати, чтобы из меня не вытекло ни капли семени.

Как скрупулезно высчитывала дни на калькуляторе зачатия, взяв на учет все наше время. Как заманивала тебя в постель в нужный момент.

Как ночами гладила себя по животу, болтая по пустякам с дочкой, которой уже придумала имя и всю жизнь наперед. Девочку звали Марта, но оказалось, что на самом деле она жила только в моем воображении.

Как в десятый раз я не смогла справиться с дрожью в руках, испортив три теста. А когда увидела одну полоску вместо двух, почему-то подумала, что это и есть положительный результат. Пять минут сидела на полу в состоянии абсолютного счастья,

которое после
обернулось разгромом всего,
что попало под руку.

Как, сбежав с работы, отстаивала очереди
к мощам святой Матронушки,
вымаливая свое чудо
под нетерпеливыми взглядами тех,
кто пытался пережить
свой сороковой, сотый, неисчислимый раз.
Для них моя беда не была бедой.

Двенадцать месяцев — это всего один круг,
один оборот Земли вокруг Солнца.
Некоторые из них знали,
что могут выстаивать свою очередь за благодатью,
пока не истощится завод,
но так ничего и не дожждаться.

Мы все слышали, как под нашей кожей,
в наших животах и жилах
тикают часы.
Маетный «тик-так» пульсировал в токе крови:
жизнь-смерть.
Стрелки ходили по кругу, как времена года.
Но весна не наступала по-настоящему,
жизнь только притворялась воскресшей.
Все растения были пустоцветами.
Все семена не давали всходов.
Все плоды замирали в самой завязи.

Мой тринадцатый раз пришелся
на начало августа.
И я больше не могла слышать слова
«роды» и «овуляция»,
больше не плакала, не вымаливала и не ждала.

Устала, смертельно устала
быть еще одним звеном
в этих нескончаемых женских очередях
с тикающими часами вместо сердец.
Пыталась вспомнить, когда я целовала тебя
просто так, для удовольствия,
без умысла и расчета,
не смогла и ужаснулась.
Одержимая задачей, я превратилась
в функцию по ее решению.
Голые внутренности часового механизма
вскрылись в моем теле
с такой очевидной ясностью,
что впервые в жизни
я осознала свою зависимость
от их хода.

Вынула из кармана новый тест
и выбросила в урну.
Над кронами деревьев
плыла стайка
белых воздушных шаров.
Они отдалялись от земли
все больше и больше,
пока не превратились
в еле видные
многоточия.

14 октября 2019

Одуванчик

Оставь пространство для моей надежды:
Последний раз бывает только крайним.
Последний раз бывает только кратным
Беспочвенным попыткам вспомнить рай.
Я не умею отпускать с концами,
Терять тебя — так, словно хлопья пуха
Теряет придорожный одуванчик.
Подует ветер-суховей, и вот я:
Стою у края совершенно голой.
И ни былинки, ни листа, ни нимба.
Лишь только где-то с неба на поляну
Слетает вечность — белым парашютом,
Неся на ломких стропах семена.

24 января 2020

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОЧЕРИ

очищено чрево
«врачи не смогли уберечь»

///

надень рукавички
мы слепим куличик из снега
и мальчику с нимбом
его отнесем на обед

//

я очень любила тебя
но червленую течь
дала эта лодка
и нечем ее починить
я очень хотела тебя
но мне тело никак
заштопать нельзя
им просвечивать
небо сквозь дыры
в мороз не укутать
горячей водой не согреть
и кровью своей не насытить
бесплодная почва

/

прости я не знаю зачем
ты пришла ко мне чтоб
уйти и с собой унести
в кулачке мое сердце

27 февраля 2020

Сумерки на ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

Пустеет площадка. И вот, подобрав костыли,
Слегка ковыляя, уходит старуха по тропке.
В песочнице крепость. На стенах зубцы возвели,
Как кубики, ровные. Ров у подножья — раскопки.
Качельные цепи скрипят, в бесконечность сцепясь,
И студят запястья: на сгибах алеют пожары.
В коляске ребенок закутан в пушистую вязь.
Июньский закат выдыхаю, как облако пара.
За кадром остался замшелый, чуть дремлющий лес.
Так хочется сесть у костра, чтоб спокойно, неспешно
К плечу прислониться и Господу наперерез
Рассказывать, как эта жизнь без тебя безутешна.

15 июня 2019. Грибки, детская площадка у железной дороги

Палата

Город сменил на халат медсестры камуфляж.
Дерево, словно из белой пластмассы муляж,
Кто-то воткнул во дворе и забыл унести.
Бисер хрустальный рассыпал во сне из горсти.
Город наложит на свежие раны бинты.
Будто в больничной палате лежим я и ты.
Окна распахнуты, голубь на ветку слетел.
Люди летают без тела и без антител.
Город проводит к утру пациентов обход.
Нет осложнений, до свадьбы теперь заживет.
Врач, рецептуру бессмертья в кармане храня,
Вылечит, может, однажды: тебя и меня.

21 ноября 2020

Детское небо

Однажды все закончится, и ты
сойдешь ко мне с той вечной высоты,
и мы начнем смеяться друг на другом.
Прокатим в колеснице Солнце — цугом.
И, словно сахарную вату, облака
воткнем на палочки, понадукав слегка.
Украв у айсберга верхушку, втайне
мы раскрошим все в кухонном комбайне
и раскидаем с неба по пустыне.
Однажды все закончится, и в сыне
я обрету поделника в игре.
Мы, как картинки в старом букваре,
на букве «М» соскучимся по маме.
И, взявшись за руки, придем к ней сами.

4 ноября 2021

после урока

наши сердца изнашивались
как половые тряпки
на швабре уборщицы
школьного коридора
звонок на перемену
уже прозвенел
а я все так же сижу
за последней партой
в пустом классе
играю в крестики-нолики
со временем и любовью
кто-то из мальчиков снова
выкрал мой детский ранец
и несет его вместо меня
домой к маме

23 декабря 2019